

в кракове. Кстати, именно благодаря Бенедикту Дыбовскому были установлены государственные правила, ограничивающие сроки охоты на соболя – животное, ценное для экономики Российской империи.

В 1884 году Дыбовский возвращается с Камчатки и принимает заведование кафедрой зоологии в Львовском университете. Несмотря на то что ученый являлся гражданином иностранного государства – Польши, в 1928 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. Львов стал последним прибежищем ученого. В 1930 году он умер и был похоронен на Лычаковском кладбище, на «пригорке повстанцев». На его надгробии можно прочесть такие слова: «Бенедикт Дыбовский – ссыльный и исследователь Сибири, человек большого сердца и непокоренного духа».

ВЛАДИСЛАВ

Младший брат Бенедикта, Владислав, родился в 1838 году. Он тоже учился в минской гимназии и был участником Январского восстания. Начиная с 1860 года, Владислав Дыбовский работает в высших учебных заведениях Вроцлава и

Варшавы, получает ученую степень доктора медицины Берлинского университета, читает лекции по палеонтологии в Дерптском университете. После восстания он был подвергнут тюремному заключению (без ссылки).

Вместе с Бенедиктом Владислав прошел тем же маршрутом (Байкал, Амур, Ангара), а после принимал

участие в его экспедиции на Камчатку. Именно он был инициатором одного из главных экспериментов по изучению глубочайшего озера в мире. Вернувшись на родную землю, он применил свои знания при изучении белорусских озер Любань, Свитезь и Черное. Он собрал также уникальный гербарий с 1866 образцами местной флоры, донные хранящийся в институте ботаники Польской академии наук.

Но Владислав Дыбовский прославился не только своими достижениями в области естественных наук. Он был талантливым лингвистом и лексикографом, занимался белорусской фольклористикой, был создателем трехязычного «Белорусско-польско-французского словаря». Свои же научные труды ученый писал на пяти языках: английском, французском, немецком, русском и польском.

Умер Владислав Дыбовский в 1920 году. На его могиле земляки установили камень с надписью «Рыцарю науки».

*По материалам статьи
Александра Чарнушевича
(«Белорусский час» №1, 2013 г.)*

Коломенский Боткин (Дмитрий Петрович Борейша)

В. Ю. Назаров

Утром 26 декабря 1874 года у церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, на нынешней площади Тургенева, толпился народ. Храм был переполнен: отпевали Дмитрия Петровича Борейшу, умершего вечером 22 декабря¹. В 12 часов траурная процессия в несколько тысяч человек всех сословий двинулась на Смоленское православное кладбище. Гроб несли на руках, причем не только мужчины, но и женщины².

Памяти Дмитрия Борейши посвятили прочувствованные слова многие газеты, его однокурсник – врач 5-й гимназии доктор медицины Цезарь Карлович Станевич³, начальник Императорской медико-

хирургической академии (ИМХА) профессор Яков Алексеевич Чистович⁴. С теплым душевным словом выступил 7 января 1875 года председатель Общества с.-петербургских практических врачей Александр Алексеевич Виноградов⁵. Средства на похороны собрали товарищи покойного⁶. Кем же был бедняк, заслуживший такое уважение?

Дмитрий Петрович родился в Санкт-Петербурге в 1838 году. В послужном списке значится: «Из иностранцев, присягнувших на русское подданство, православного вероисповедания»⁷. Происхождение записи становится понятным при изучении архивных

дел старших братьев – студентов С.-Петербургского университета Константина (27 декабря 1836 г. – 30 мая 1859 г.)⁸ и Алексея (1837 – 17 февраля 1891)⁹.

Отцом всех троих был потомственный дворянин Могилевской губернии, евангелического вероисповедания, действительный статский советник Петр Бонифатьевич Борейша (16 января 1790 – 7 марта 1871, погребен на Смоленском евангелическом кладбище Санкт-Петербурга). В 1822–1833 годах он занимал должность директора департамента в Главном управлении путей сообщения, а до этого управлял канцелярией белорусско-

Покровская церковь в Большой Коломне в 1900-х годах.
Фото Н. Г. Матвеева (?)

витебского военного губернатора. Взлет карьеры Петра Бонифатьевича, как и ее завершение были тесно связаны с герцогом Александром-Фридрихом Вюртембергским – братом императрицы Марии Федоровны¹⁰.

Мать братьев Женнета Гакке (1809–?) в качестве гражданки вольного германского города Любека прибыла в Россию в 1832 году. Вот как перечислены ее приметы в «Билете», выданном могилевским гражданским губернатором 17 октября 1840 года: «Рост средний, волосы, брови русые, глаза карие, нос, рот умеренные, лицо овальное, подбородок круглый». Проживала она у Петра Борейши, видимо, в услужении, их венчание состоялось только 26 января 1841 года¹¹.

Добрачным рождением объясняется то, что братья были записаны «сыновьями иностранного подданного», а фамилию Борейша получили только после официального замужества матери. 29 марта 1844 года в Городокской Николаевской церкви Мстиславского уезда Константин, Алексей и Дмитрий были приняты в православие¹². Отец, признав их своими детьми, тем не менее не мог по тогдашнему российскому законодательству их усыновить. Определяя своих детей в высшие учебные заведения, он дал обязательство, что после окончания те примут присягу на

верность России. Интересно, что по любекскому праву братья Борейши считались законными детьми Петра Бонифатьевича¹³. Это до некоторой степени облегчало их общественный статус.

В начале 1850-х годов мальчики учились в 5-й петербургской гимназии у Аларчина моста (современный адрес – пр. Римского-Корсакова, д. 73, на углу Английского пр.). Константин окончил обучение в ней в 1855 году, Алексей – в 1856-м, но Дмитрий по каким-то причинам за-

вершил среднее образование в другом, не известном нам, заведении¹⁴.

Константин умер в отцовском имении, не дожив до получения диплома юриста¹⁵. Алексей по окончании физико-математического факультета со степенью кандидата (1860) принял 11 января 1861 года в Санкт-Петербургской управе благочиния присягу на верность России¹⁶, затем служил в Гатчинском Николаевском сиротском институте, умер в чине статского советника, похоронен на Гатчинском кладбище¹⁷.

10 июня 1861 года Дмитрий Петрович своекоштным окончил медицинское отделение ИМХА. Его однокурсниками были Петр Францевич Лесгафт, профессора ИМХА Иван Павлович Мержеевский и Дмитрий Иванович Кошлаков; профессор Киевского университета Василий Тимофеевич Покровский, профессор Харьковского университета Александр Яковлевич Бруев; педиатр и гинеколог Эдуард Михайлович Карницкий; главный доктор Николаевского Санкт-Петербургского военного госпиталя Салих-Мастафа Янович-Чаинский; одесский окружной военно-медицинский инспектор Иван Осипович Лесневский; тамбовский губернский врачебный инспектор Василий Николаевич Каменев; прозектор кафедры судебной медицины Варшавского университета, а впоследствии начальник Келецкой учебной дирекции Ни-

Здание Коломенской части в середине XIX в.
Репродукция литографии Ф.-В. Перро.
Из кн. «Пушкинский Петербург», авт.-сост. А. М. Гордин. Л., 1974 г.

колай Гордеевич Аквилев; уролог Сигизмунд Карлович Свенцицкий; частный врач Санкт-Петербургской полиции Константин Васильевич Эмалинович и многие другие замечательные ученые, врачи, общественные деятели¹⁸.

Вскоре после окончания академии приказом по Министерству внутренних дел (МВД) от 2 ноября 1861 года Дмитрий Петрович был назначен сверхштатным врачом Санкт-Петербургской полиции. В 1863–1864 годах он был помощником частного врача 4-й Адмиралтейской части Петербурга. 12 мая 1865 года Конференция ИМХА удостоила Борейшу звания акушера. С 17 июля 1865 года приказом по МВД от 22 июля 1865 года № 61 он был переведен на должность сверхштатного акушера в Нарвскую часть Петербурга, а приказом по Санкт-Петербургской полиции от 24 февраля 1866 года № 35 – на такую же должность в соседнюю Коломенскую часть¹⁹. С этим городским районом была связана в дальнейшем вся короткая жизнь Дмитрия Петровича.

Престарелый отец к тому времени давно не служил, получая пенсию 285 рублей 90 копеек серебром в год. Имение было заложено в опекунском совете, доходов едва хватало на уплату процентов²⁰.

21 сентября 1866 года с соизволения великой княгини Елены Павловны Д. П. Борейша министром внутренних дел был определен сверхштатным ординатором при родильном госпитале Повивального института на три года, с правами государственной службы²¹. Борейша служил также врачом и в других благотворительных учреждениях: Воспитательном доме и Крестовоздвиженской общине сестер милосердия²².

В обязанности акушеров полиции, в том числе сверхштатных, помимо оказания медицинской помощи женщинам, входили судебно-гинекологические и судебно-акушерские освидетельствования, а также участие в судебно-медицинских исследованиях трупов новорожденных²³.

В 1869 году при полицейских частях столицы началась организация родильных приютов. Инициаторами этого мероприятия были обер-полицмейстер (с 1873 года – градоначальник) генерал-адъютант

Здание бывшей Пятой С.-Петербургской гимназии. 2012 г. Фото автора

Федор Федорович Трепов и штат-физик Врачебного управления при Петербургском обер-полицмейстере доктор медицины барон Петр Евстафьевич фон Майдель (с 1873 года – инспектор столичного врачебного управления). Одной из причин была удаленность существовавших на то время родовспомогательных учреждений от городских окраин, из-за чего роды нередко проходили в случайной обстановке, создавая реальную угрозу здоровью матери и ее ребенка. С 1 августа 1869 года по 1874 год Дмитрий Петрович заведовал родильным приютом, помещавшимся в здании Коломенской части на Калининской площади (пл. Репина)²⁴. Кроме того, 10 декабря 1871 года соизволением императрицы Борейша стал действительным членом и сверхштатным врачом в Демидовском доме призрения трудящихся²⁵. Дмитрий Петрович в 1872 году был одним из основателей Общества Санкт-Петербургских практических врачей²⁶.

Вопреки некоторым утверждениям²⁷, степени доктора медицины Д. П. Борейша не имел. Тем не менее, проживая вдалеке от центра, в доме 118 по Большой Садовой улице²⁸, он пользовался в городе репутацией выдающегося врача-практика. Главной своей задачей Дмитрий Петрович считал оказание помощи неимущим больным, которых принимал и днем и ночью. Его называли коломенским Боткиным и знали все, нуждавшиеся в медицинской помощи²⁹.

По словам профессора Я. А. Чистовича, помнившего Борейшу еще студентом, «покойный не был каким-нибудь медицинским архонтом, равно как не был вездесущим практиком, но он имел доброе сострадательное сердце, не отказывал в помощи ни одному бедняку»³⁰. За год прием составлял до четырех тысяч³¹, в день – до 90 пациентов³². В последние годы Дмитрий Петрович сосредоточился на лечении детей. Непосильная работа разрушила здоровье; в конце 1866 года появились признаки чахотки. Летом 1868 года Борейша уехал за границу, но, вернувшись в том же году, снова взялся за работу. Во время эпидемий возвратного и сыпного тифа, холеры, натуральной оспы он работал так много, что даже не позволял себе регулярного сна³³.

В свидетельстве, подписанном 23 февраля 1875 года профессорами ИМХА Евстафием Ивановичем Богдановским и Николаем Васильевичем Склифосовским и утвержденном Врачебным присутствием Санкт-Петербургского градоначальства, раскрываются драматические детали последнего года жизни замечательного врача. В конце лета 1873 года Д. П. Борейша при посещении родильного приюта ушиб колено. Он продолжал исполнять служебные обязанности и посещать больных, пока в ноябре 1873 года не развилось гнойное воспаление сустава. С тех пор Дмитрий Петрович уже не вставал, ногу пришлось ампутировать. На фоне тяжелого

истощения произошло обострение туберкулезного процесса, что и свело больного в могилу³⁴.

За время болезни растаяли скромные сбережения. Вдова Дмитрия Петровича Анна Петровна и его сынишка Константин, родившийся 21 июня 1873 года, остались безо всяких средств. Оказалось, что Борейша, еще 23 сентября 1869 года произведенный в надворные советники (чин, равный армейскому подполковнику), проработав безвозмездно свыше десяти лет, государственную пенсию не выслужил³⁵. Дело в том, что у сверхштатных врачей права государственной службы были, как правило, неполными, и в первую очередь – в сфере пенсионного обеспечения. Посильную помощь оказала семье Главная вспомогательная медицинская касса, членом которой со дня учреждения состоял покойный. На своем заседании 17 января 1875 года общее собрание кассы приняло решение выдать вдове и сыну единовременное пособие в 50 рублей и назначить с 1 января 1875 года постоянное вспомоществование в размере 200 рублей в год³⁶. Государственная пенсия в данном случае могла быть назначена лишь в порядке исключения, зависевшего от решения государя императора.

Большее участие в хлопотах о назначении пенсии принял градоначальник Ф. Ф. Трепов. 18 января 1875 года директору Медицинского департамента МВД им было направлено ходатайство. В нем, в частности, говорилось: «...я позволяю себе покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить благосклонное внимание на медико-филантропические заслуги покойного Борейши и труды его на общественную пользу, которые небызвестны министру внутренних дел, и не отказать в содействии к обеспечению существования семейства Борейши поддержанием настоящего ходатайства...»³⁷

В тот же день Трепов писал министру внутренних дел: «...Деятельность этого медика-филантропа, в течение 13 лет посвященная на общественную пользу жителей Санкт-Петербурга, по преимуществу Коломенской части, близко известна по самоотвержению, с которым он, в последние годы жизни сам болен, посещал больных, и при-

Церковь Воскресения в Малой Коломне в 1900-х годах.
Фото Н. Г. Матвеева

том безвозмездно лечил беднейших обитателей. Не получая на службе содержания, он уделяя из своего скромного состояния на пособия для бедных. Заведуя с 1869 года родильным приютом Коломенской части, своею заботливостью он довел оный до превосходного во всех отношениях состояния...» Далее следовала просьба исходатайствовать Высочайшую особую милость на назначение вдове Борейши с маленьким сыном, вне правил, пенсии в размере жалованья штатного акушера Санкт-Петербургской полиции – 500 рублей в год³⁸. МВД поддержало ходатайство, но министр финансов дал согласие только на половину просимой суммы. В этом виде она и была утверждена по докладу Управляющего МВД государем императором 4 июня 1875 года³⁹.

24 января 1875 года жители Коломенской части обратились к градоначальнику за разрешением на сбор средств для учреждения при 5-й петербургской гимназии стипендии в память Д. П. Борейши и публикацию соответствующего объявления в газетах⁴⁰. В числе инициаторов был протоиерей Воскресенской Мало-Коломенской церкви, находившейся на месте современной площади Кулибина, Александр Иоаннович Исполатов (с 1909 г. – настоятель Исаакиевского собора)⁴¹. Просьба встретила

поддержку, и 6 марта 1875 года, пройдя необходимые согласования, разрешение было получено. Приводим текст с незначительными сокращениями: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, представленного С.-Петербургским градоначальником ходатайства обывателей Коломенской части С.-Петербурга, о дозволении им открыть подписку о сборе пожертвований, с публикацией о таковой в газетах, на учреждение при Пятой здешней гимназии, имени умершего сверхштатного акушера С.-Петербургской полиции, лекаря надворного советника Борейши, который в течение более десяти лет был истинным благодетелем бедного населения и тем заслужил выражение признательности и уважения жителей означенной местности, всемилостивейше соизволил, в 6-й день марта сего года, на открытие между обывателями Коломенской части добровольной подписки для сбора пожертвований на учреждение стипендии при сказанной гимназии имени лекаря Дмитрия Борейши»⁴².

Было собрано 1300 рублей, на которые приобретено тринадцать сторублевых пятипроцентных облигаций Санкт-Петербургского государственного кредитного общества. 14 февраля 1877 года утверждено Положение о стипендии имени ле-

каря Дмитрия Петровича Борейши. 17 февраля 1877 года, с разрешения государя императора, капитал поступил в собственность гимназии. Согласно Положению, obligation составили неотъемлемую собственность учебного заведения и помещены в Санкт-Петербургское губернское казначейство в числе специальных средств гимназии⁴³. Проценты с капитала предназначались вдове Д. П. Борейши для единственного сына покойного, до достижения им 18 лет, а потом – идти на плату за обучение одного воспитанника пятой гимназии и приобретение ему учебных пособий. Стипендиат избирался педагогическим советом из числа бедных учеников 5-й гимназии, православного вероисповедания, отличающихся хорошими успехами и поведением и живущих в Коломенской части. Стипендия могла быть назначена не ранее, как по истечении года со времени поступления ученика⁴⁴.

Анна Петровна Борейша 3 июня 1875 года была определена по-

мощницей по женскому отделению директора Дома предварительного заключения⁴⁵, где ее встречал по известному в свое время делу Корниловой Федор Михайлович Достоевский⁴⁶. Там Анна Петровна прослужила до сентября 1879 года, затем следы ее теряются⁴⁷.

Учиться в 5-й гимназии Косте Борейше, однако, не пришлось⁴⁸. В 1890 году он окончил Александровский кадетский корпус. Затем последовали Санкт-Петербургское военное пехотное училище и офицерская стрелковая школа. 1 января 1895 года Константин Дмитриевича произвели в подпоручики, 1 января 1899 года – в поручики, 1 января 1903 года – в штабс-капитаны. Офицерскую службу Борейша-младший начал в 210-м Ижорском резервном пехотном батальоне (с 1897 года получившем статус полка), расквартированном в Медвежьем Стане близ с. Мурино Петербургского уезда. Он участвовал в Русско-японской войне, ранен при обороне Порт-Артура, в 1904 году за боевое отличие на-

гражден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и произведен в капитаны. В 1905 году К. Д. Борейша был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, в 1910 году – орденом Святого Станислава 3-й степени. Накануне Первой мировой войны в чине капитана Константин Дмитриевич служил в 14-м Сибирском стрелковом полку, дислоцированном в Забайкалье⁴⁹. Последовавшие затем события не дают возможности узнать что-либо о единственном сыне врача-филиантропа.

Такова история Дмитрия Петровича Борейши и его семьи. Нам кажется, она представляет определенный интерес для историков нашего города как пример жертвенного исполнения врачебного долга. Современному читателю полезно также в ином освещении увидеть Федора Федоровича Трепова, на многие годы получившего незаслуженные отрицательные характеристики историков и публицистов.

¹ Голос. 24 декабря 1874 г. № 355.
² Санкт-Петербургские ведомости. 30 декабря 1874. № 358.
³ Станевич Ц. К. Воспоминания 1856–1861 гг. Вильна, 1898. 69 с.
⁴ Чистович Я. А. Выступление на заседании комитета Главной вспомог. мед. кассы 20 октября 1876 г. // ВМЖ. 1877. СXXX (приложение). С. 1–17.
⁵ Медицинский вестник. 1875. № 2. С. 17.
⁶ Голос. 25 декабря 1874 г. № 356.
⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 4–7.
⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1855 г. Д. 14.
⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1856 г. Д. 146.
¹⁰ Адрес-календарь. Общая роспись чиновных особ в государстве [на 1818 – 1833 гг.].
¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1855 г. Д. 14. Л. 4.
¹² Там же. Л. 16.
¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1856 г. Д. 146. Л. 20.
¹⁴ Иванов К. А. [сост.]. Пятидесятилетие С.-Петербургской пятой гимназии, 1845–1895. СПб., 1895. 497 с.
¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1855 г. Д. 14. Л. 28.
¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1856 г. Д. 146. Л. 28.
¹⁷ Сантов В. И. [сост.]. Петербургский некрополь. В 4 т. Т. 1. СПб., 1912. 715 с.
¹⁸ Станевич Ц. К. Указ. соч.
¹⁹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 4–7.
²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5, 1855 г. Д. 14. Л. 17.
²¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 4–7.
²² Санкт-Петербургские ведомости. 30 декабря 1874. № 358.
²³ Потехин К. А. Дело Елены Карванен // Архив судеб. мед. и обществ. гигиены, 1867, март, II. С. 74–88.
²⁴ Штольд В. И. С.-Петерб. гор. род. приюты : Дис. ... д-ра мед. СПб., 1876. 137 с.

²⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 4–7.
²⁶ Шиперович М. В. [ред.]. Двадцатипятилетие С.-Петербургского медицинского общества. 1872–1897. СПб., 1897. 58 с.
²⁷ Сантов В. И. Указ. соч.
²⁸ Справ. книжка С.-Петерб. градонач. и гор. полиции. СПб., январь 1874. 157 с.
²⁹ Медицинский вестник. 1875. № 15. С. 150–152.
³⁰ Чистович Я. А. Указ. соч.
³¹ Здоровье. 31 декабря 1874. № 6. С. 123.
³² Санкт-Петербургские ведомости. 30 декабря 1874. № 358.
³³ Здоровье. 31 декабря 1874. № 6. С. 123.
³⁴ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 11–12.
³⁵ Там же. Л. 4–7.
³⁶ Медицинский вестник. 1875. № 15. С. 150–152.
³⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 10. Л. 1.
³⁸ Там же. Л. 2–3.
³⁹ Там же. Л. 13–14, 20–21.
⁴⁰ Там же. Д. 13. Л. 1.
⁴¹ Иванов К. А. Указ. соч.
⁴² РГИА. Ф. 1297. Оп. 257, 1875 г. Д. 13. Л. 3–8.
⁴³ Там же. Л. 12–13.
⁴⁴ Иванов К. А. Указ. соч.
⁴⁵ Справ. книжки С.-Петерб. градонач. и гор. полиции. СПб., январь, 1878, январь – май 1879. 174, 179 с.
⁴⁶ Достоевский Ф. М. Письмо К. И. Масленникову 5 ноября 1876 г. // Собр. соч. в 15 т. Т. 15. М., 1996. 862 с.
⁴⁷ Справ. книжка С.-Петерб. градонач. и гор. полиции. СПб., сентябрь 1879. 193 с.
⁴⁸ Иванов К. А. Указ. соч.
⁴⁹ Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1 ноября 1913 г. [с дополнениями по 25 марта 1914 г.]. СПб., 1914. 1008 с.

